

Полина Матыцына

МАЛЕНЬКАЯ
ГВИНЕТ
В СТРАННОМ
ДОМЕ

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6
М33

Серия «Бастион» основана в 2019 году
Ведущий редактор *Дмитрий Володихин*

Матыцына, Полина

М33 Маленькая Гвинет в странном доме / Полина Матыцына. —
М. : «Снежный Ком М», 2019. — 256 с. — (Бастион).

ISBN 978-5-6043755-3-2

Девочка Гвинет получила странный подарок: ей дают возможность овладеть магией огромной силы и войти в сообщество могущественных волшебников. Какие возможности! Сколько соблазнов! Приключения без счета! Но у всего есть обратная сторона... Магия столь сильно толкается с любовью, что Гвинет однажды придется ответить на вопрос: что ей нужнее?

УДК 82-31
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6043755-3-2

© Матыцына П., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2019
© Оформление. Голуб Ю., 2019

Глава 1

Дом магии

Больше всего на свете Гвинет мечтала уехать из этого паршивого городишки. И дело было даже не в её любимых книгах, где героини, переехав, обязательно находили свою судьбу и множество приключений. Просто Гвинет терпеть не могла родной городок, где никогда не происходило ничего интересного. Здесь царила давящая провинциальная скука, и девочка намеревалась полжизни отдать, но любым способом уехать в нормальный большой город, где кипит жизнь.

К тому же, может в более крупном городе отец нашёл бы кого-то получше... *этой*, с её занудно правильной дочуркой. Гвинет даже не могла решить, кто раздражает её больше: новая жена отца — нормальная, в общем-то, тётка! — или эта морализаторша Кэтрин.

Новая сестра бесила девочку, хотя Гвинет даже не могла понять, чем именно. Это чувство невольно отражалось на отношении Гвинет к мачехе. Люсинда вполне хорошо относилась к падчерице, не надоедала ей чрезмерной опекой и даже иногда выгораживала перед отцом. Но вот Кэтрин, эта зануда со скромно опущенными глазками...

Когда отец женился год назад, Гвинет была даже рада. Он стал более... живым и из унылого вдовца, живущего только памятью по давно усопшей супруге, превратился в цветущего мужчину. Заслуга в этом принадлежа-

ла исключительно Люсинде, и Гвинет в душе искренне благодарила её. Но вместе с Люсиндой в доме появилась и её дочь.

Первое время девочки искренне пытались поладить. Они понимали: впереди у них ещё много лет совместного проживания, и худой мир лучше ссоры. Но постепенно поняли — огонь и вода всегда будут врагами, и сделали все, чтобы избегать общества друг друга.

Ах, уехать бы куда-нибудь подальше. И зажить припеваючи среди модных магазинов, кафе, наполненных вкусняшками, кинотеатров и просто толп людей, не замечających друг друга.

В дверь позвонили. Гвинет невольно прикинула: вечер, уже все в сборе, подружки сидят по домам... наверное, какой-нибудь агент по продажам суперпылесосов или косметики. Косметику ей покупает Люсинда, хотя и не одобряет этого, так что звонок можно проигнорировать.

Внизу что-то разбилось. Послышались громкие голоса: кажется, отец на кого-то кричал, требуя «убраться вон». Гвинет невольно заинтересовалась. Уж не настолько отец не любил всяких там агентов по продажам, чтобы вот так вот злиться.

Девочка вышла из комнаты и увидела стоящую на лестнице Кэтрин.

— Кто там, Кэт?

— Какие-то дамы. Почему твой отец кричит на них? Это же невежливо!

В этом — вся Кэт. Вежливость, правила поведения, соблюдение приличий... Она даже брюки старается не надевать, не говоря уж о коротких юбках или шортах: это же неприлично! Да середина двадцать первого века на дворе, о каких приличиях можно говорить?

Отодвинув сестру, Гвинет перевесилась через перила. Отца тем временем теснили вглубь дома две дамы в темных костюмах и шляпках.

Шляпках? Гвинет невольно хихикнула. Вот Кэтрин бы с ними точно поладила. Хорошо, что ей, Гвинет, не жить с этими старомодными клушами.

Внезапно одна из женщин, повыше ростом, ударила зонтом-тростью по полу. По дому прокатился гулкий звон. Стало тихо.

— Где Гвинет, Майкл? — пронзительным, почти визгливым голосом сказала высокая дама.

— Её нет дома. И для вас и не будет.

Гвинет отметила краем глаза, как Кэтрин неодобрительно покачала головой. В её представлении о мире ложь была смертным грехом. Но спорить с отчимом и показывать пальцем на сестру, стоящую рядом, Кэт не стала.

Что нужно от Гвинет этим тёткам? И почему отец настроен так... недоброжелательно?

— Ты лжёшь, Майкл. Девочка здесь.

— Вам её не видать. Убирайтесь, пока я не вызвал полицию!

— А что ты скажешь полиции? Мы её родственницы, и имеем полное право повидать племянницу.

— Нет у вас такого права! Вы прогнали Гермину, изгнали её из семьи, и у вас нет прав на её дочь!

Отец, человек тихий и незаметный, кричал так, что у Гвинет зазвенело в ушах. Гермину... её мама... Что эти тётки знают о ней? Отец почти ничего не рассказывал, а в памяти осталось так мало, почти ничего, ведь Гвинет шёл всего лишь третий год, когда мамы не стало...

Очнулась она от того, что Кэтрин сильно трянула её за плечи.

— Гвинет! Гвинет! — шёпотом повторяла она. — Тебе туда нельзя!

— Куда? Что? — не поняла девочка.

— У тебя глаза стали такие... стеклянные. И ты пошла к ним... — Кэтрин выглядела испуганной.

Гвинет трянула головой, прогоняя наваждение.

— Все в порядке, — так же шёпотом сказала она, но тут же разозлилась: — А почему мне туда нельзя? Раскомандовалась тут!

— Но твой отец...

И тут по дому снова прокатился гулкий звон. Кэтрин застыла, словно её заморозили, замерев в неудобной позе. Растерявшись, Гвинет потрогала её руку пальцем — та не шелохнулась.

— Кэт? Кэт!

— Добрый вечер, Гвинет, — дама повыше церемонно поднималась по лестнице. Следом за ней, почти шаг в шаг, семенила вторая. Когда они успели пройти холл и почему отец им не помешал?

— Что вы сделали? Кто вы такие?

— Мы — твои тётки, — сказала вторая дама, маленького роста, худенькая настолько, что казалась статуэткой, а не человеком. Голосок у неё оказался тоненький, но приятный. — Мы...

— Гиацинта! — визгливо скомандовала высокая. Маленькая послушно замолчала. Вместо неё продолжила старшая.

— Мы — сестры твоей матери. Тебе не место здесь, с этими людьми, Гвинет. Мы пришли забрать тебя.

— Что-то вы не торопились.

— Твой отец хорошо спрятал тебя, — сказала высокая дама. — Но он нас недооценил, да, недооценил! Собери самое необходимое, Гвинет. Мы уходим немедленно.

— Минуточку! — возмутилась Гвинет. Она ненавидела, когда ей указывали. — Не командуйте тут! Это раз. А два — никуда я не пойду!

Она развернулась и зашагала к своей комнате. И тут сообразила: отец и Кэт! Им нужно, наверное, как-то помочь... Что с ними сделали эти тётки?

Но прежде, чем Гвинет успела что-то сказать или сделать, раздался чуть слышный щелчок. Снова слышал-

ся голос отца, зашевелилась, растерянно оглядываясь по сторонам, Кэтрин, выглянула из кухни Люсинда... дом зажил обычной жизнью. Только вот сейчас в центре его стояли две странные дамы.

— Вон из моего дома! — подбежал к ним отец.

— Мы никуда не уйдём без Гвинет, — взвизгнула высокая.

— Я её с вами не отпущу!

— А я никуда с вами и не пойду! — крикнула девочка. Она не понимала, что происходит, но ситуация ей не нравилась. Откуда внезапно взялись эти... родственницы самозваные?

— Тихо! — проорал кто-то. На секунду действительно стало тихо. Все посмотрели на Люсинду, сжимавшую в руках половник — именно ей и принадлежал крик.

— Как я понимаю, вы сестры Гермионы, — сказала она. — Майкл, они действительно имеют право повидать Гвинет. Только повидать, все же она им родня. Проходите в гостиную, дамы. Гвинет, Кэтрин, подадите в гостиную чай. Майкл, успокойся. Никто никого не заберёт, мы люди цивилизованные и вполне можем обсудить проблему. Девочки, вы ещё не на кухне? Дамы, не знаю ваших имён, пройдите в гостиную. Она на первом этаже.

Слово «на первом» Люсинда подчеркнула голосом, так что обе дамы медленно, словно нехотя, стали спускаться. Снова впереди важно шла высокая, а маленькая семенила следом, как будто пытаясь спрятаться за её спиной. Гвинет и Кэтрин обогнали их и промчались в кухню.

Под строгим взглядом Люсинды разговаривать не хотелось. Девочки молча приготовили все необходимое и прошли в гостиную, где за большим столом уже сидели отец и обе женщины.

Сёстры накрыли на стол в гнетущей тишине. Из кухни пришла Люсинда со сладостями.

— Гвинет, ты поздоровалась с тётями? — спросила она. Гвинет помотала головой.

— Это невежливо, — в такие моменты девочка понимала, в кого Кэтрин пошла своей занудливостью.

— Здравствуйте, тётушки, — скорчив гримасу, послушно сказала Гвинет.

— Можешь называть меня тётя Гиацинта, — встрепенулась маленькая. — Гвинет, я...

— Гиацинта! — оборвала её старшая. Вернее, попыталась — та, не в силах сдержать эмоций, все же продолжила: — так рада, мы наконец-то нашли тебя! Это было нелегко, признаюсь, мы даже начали терять надежду...

— Гиацинта! Помолчи.

На этот раз тётя, бросив на старшую растерянный взгляд, послушно замолчала.

— Зачем вы меня искали? — заинтересовалась Гвинет.

— Как, Гвинет. Ты дочь Гермiony, и значит — член нашей семьи! — визгливо возмутилась высокая дама.

— Моя семья тут, — в этот момент Гвинет включила туда даже зануду Кэт.

— Нет, — отрубилa та. — Твоё место не здесь, с этими... людьми. Ты должна находиться там, где предписывает твоё положение в обществе.

Положение в обществе? Она что, принцесса?

Этот вопрос и задала Гвинет.

— Не совсем, — смутилась тётя Гиацинта. — Видишь ли, дорогая...

— Кажется, она НИЧЕГО не знает, Майкл, — перебила её вторая тётя. — Как это понимать?

— Так и понимать, — огрызнулся отец. — Её место здесь. А не в вашем гадюшнике.

Глаза дамы гневно сверкнули. Из них вырвались две небольших ярких искры, прожёгшие в скатерти две аккуратные дырочки.

— Не забываясь, Майкл, — холодно сказала она.

Отец встал.

— Вы хотели повидать Гвинет, — сказал он. — Повидали. Теперь уходите.

— Мы не уйдём без неё.

Гвинет наконец-то начала соображать. Кажется, вся эта ситуация плохо сказалась на её мозгах. Эти странные тётки предлагают ей главное — уехать отсюда! Уехать из надоевшего до зубной боли городка и больше не сталкиваться с Кэтрин!

— Папа, а может быть, мне все же стоит навестить тётю Гиацинту и тётю... э-э-э-...

— Гвендолен, — слова тётки прозвучали так, словно она делала величайшее одолжение.

— Тётю Гвендолен. Ненадолго, недельки на две?

— Ты не понимаешь, Гвинет, — отец внезапно осунулся и постарел. — Они никогда не отпустят тебя. Гермiona... Она сбежала чудом.

— Это ты не понимаешь, Майкл, — сказала Гвендолен. — Мы пришли добром. Я согласна... на испытательный срок. Если в течение месяца Гвинет не передумает, она может вернуться домой. Но если ты откажешься отпустить её добровольно... Мы ведь можем обратиться в суд. Что ты выберешь: видеть её каждый год на каникулы или полностью лишиться прав на дочь?

— Эй, — возмутилась Люсинда, — он отличный отец! Вы не можете лишить его прав!

— Они — могут, — отец тяжело вздохнул. — Гвинет. Решай сама. Ты уже взрослая девочка.

Уехать. Уехать из опротивевшего городишки. Может быть, тётки живут в большом городе... и у Гвинет появится куча подруг в новой школе... И может, в неё даже влюбятся...

Но отец! Он так переживает. Гвинет и не думала, что так дорога ему. Но у него ведь останется Кэтрин, верно? Да и Люсинда ещё молода, вполне может родить ему парочку ребятишек. И потом, она же уезжает не навсегда, а на месяц. И если даже уедет совсем, то сможет приезжать на каникулы...

— Пап... я бы съездила. Лето только началось, а мы ведь нигде не бываем. Можно, я погощу немножко?

«А заодно — побольше узнаю о маме». Этого Гвинет говорить не стала.

— Я вернусь через месяц! Обещаю! Ну пап, у нас ведь нет других родных, а совсем не общаться с ними нехорошо.

— Собирайся, Гвинет, — вздохнул отец.

— А разве мы поедem не утром? — удивилась Гвинет. — Ночь скоро, всё-таки.

— Не волнуйся, — улыбнулась тётя Гиацинта, — нам не придётся долго ехать. Собери самое необходимое, все остальное мы тебе купим.

На сборы ушло около часа. Все это время Люсинда пыталась развлечь Гиацинту и Гвендолен разговором. Как заметила Гвинет, маленькая тётушка была не прочь поболтать, но её то и дело одёргивала сестра, все больше напоминавшая девочке какую-нибудь директрису из книжки.

Наконец небольшой чемодан на колёсиках оказался собран. Неловко попрощавшись с отцом, мачехой и Кэтрин, Гвинет подошла к стоящим у двери тётушкам.

— Идём, — холодно произнесла Гвендолен первой и скрылась за дверью.

— Ты следующая, — улыбнулась девочке Гиацинта.

Гвинет пересекла порог и замерла. Она находилась во все не на хорошо знакомой улице. Это вообще была не улица! Девочка стояла в длинном тёмном коридоре с высоким сводчатым потолком, освещённым... газовые фонари? Здесь что, нет электричества?

— Не стой столбом! — взвизгнула тётя Гвендолен. — Ты не даёшь пройти Гиацинте.

Гвинет торопливо отбежала в сторону. Что за глупости она думает про электричество! Гораздо важнее — как и куда она попала. Это же не магия? Или... магия?

За спиной девочки хлопнула дверь и вошла тётя Гиацинта. Аккуратно повесив на длинную вешалку свой зонтик, она приветливо улыбнулась Гвинет:

— Добро пожаловать, милая.

— Добро пожаловать — куда?

— Домой, Гвинет. Это место — твой настоящий дом. Альфред. Альфред!!!

От визгливого голоса тётки Гвендолен зазвенело в ушах. Тем временем откуда-то из глубины коридора появился мужчина — видимо, тот самый «Альфред».

— С возвращением, госпожа, — он низко поклонился. — Добро пожаловать, юная госпожа.

Кто «юная госпожа»? Она, Гвинет? Что за абсурд! Они не в девятнадцатом веке!

Но прежде, чем Гвинет успела сказать хотя бы слово, Альфред, плавно скользнув вперёд, вынул из её рук чемодан.

— Сесили проведёт вас в вашу комнату, юная госпожа, — Альфред указал рукой на невысокую полную девушку с рыжеватыми кудряшками. Черноволосая Гвинет невольно восхитилась, ведь она всегда хотела быть рыжей. Откуда Сесили появилась, девочка не заметила, впрочем, дверей в коридоре оказалось много. Даже, пожалуй, слишком много — Гвинет насчитала двенадцать, и это без парадной.

— Не считай ворон, — приказала тётя Гвендолен, заметив растерянность девочки. — Сесили ждёт.

Действительно, Сесили уже стояла около одной из дверей — и когда только она успела переместиться?

— Но мои вещи... — попробовала запротестовать Гвинет.

— Их доставят. А сейчас — ступай, — тётка величественно помахала кистью, словно отпуская прислугу. — Не задерживай окружающих, Гвинет.

Девочке захотелось домой. Но все здесь интриговало и притягивало, а любопытство было едва ли не главной её чертой.

«Сбегу через пару неделек», — решила Гвинет и вошла следом за Сесили в тяжёлую резную дверь. За ней оказался ещё один коридор с высокими сводами. Но здесь под потолком имелись небольшие круглые окна, через которые лился солнечный свет.

— Ваш дядя, господин Мэрик, ждёт вас, юная госпожа, — не оборачиваясь, сказала... горничная? Да, наверное, решила Гвинет. — Вы предпочтёте сначала посетить его или посмотрите свои комнаты?

Комнаты? Их что, несколько? — едва не вырвалось у Гвинет, но она сумела ничего не сказать. Несколько так несколько, нечего изображать провинциалку, попавшую в большой город. Дядя Мэрик... это ещё кто? И почему тётки ничего о нем не сказали?

Гвинет окинула себя взглядом: джинсы, футболка, кроссовки — все вполне новое и чистое. Пожалуй, можно и показаться перед «грозными очами». Интересно, а кто ещё есть в их семье?

Но спрашивать она не стала. Не хотела показаться перед горничной глупой необразованной девицей, не знающей даже сколько у неё родственников.

— Я бы посетила дядю, — сладким голосом сказала Гвинет. — Не хотелось бы заставлять его ждать слишком долго.

«А откуда он узнал, что я уже здесь?» — подумала она, сворачивая следом за Сесили в левый коридор. «И какого же размера этот домик?!»

Дом, похоже, действительно был огромным. В их городке такого и не имелось.

Поворот направо, налево, лестница наверх, большой зал, снова пара поворотов... У Гвинет начала кружиться голова. Но Сесили не останавливалась, продолжая идти к одной ей ведомой цели. И вот они очутились перед дверью, украшенной резным изображением грифона.

Сесили постучала. Дождалась звона колокольчика и, распахнув дверь, провозгласила:

— Госпожа Гвинет Вальденс!

Вообще-то, фамилию Гвинет носила совершенно другую, и потому, перешагивая невысокий порожек, невольно бросила на горничную изумлённый взгляд. И это не осталось незамеченным.

— Да-да, ты именно Вальденс! — прокричал пронзительным тенорком полный, если не сказать — толстый, мужчина лет пятидесяти, сидящий у окна в огромном бордовом кресле. Самыми примечательными во внешности дядюшки оказались блестящая в свете солнца розовая лысина, мохнатые толстые брови и такие же мохнатые усы. Зелёный глянцеви́тый свитер и черные брюки, расшитые золотистыми нитками, сверкали не хуже лысины, маленький нос прятался в пухлых щёчках, и впечатление дядя Мэрик производил... блистательное. — Именно Вальденс, а не «кто-то там». Значит ты, дочка нашей милой Гермiony? Очень, очень рад тебя видеть!

— Свентон, помолчи, — приказал кто-то. — Гвинет. Не стой на пороге.

Вздвoгнув от этого неожиданного голоса, Гвинет сделала пару неловких шагов вперёд и только теперь обнаружила в комнате ещё одного мужчину. Так же очень полный, но в тёмно-синем строгом костюме, который оживлял лишь галстук в белую полосу, так же усатый и бровастый, вместо лысины он имел длинный хвост темных волос. Его черты лица не были столь расплывшимися, как у Свентона, и хотя с первого взгляда становилось ясно: эти двое — родственники, — он казался даже по-своему красивым.

Мужчина стоял у шкафа с книгами и пристально смотрел на Гвинет. Ей невольно захотелось присесть в реверансе — знать бы ещё, как он делается!

— Гвинет Вальденс, — повторил он. — Рад, что у Гермiony хватило ума соблюсти традицию. Что же... — он скрестил пальцы на животе. — Можешь идти, Гвинет.

Будь добра появиться на ужин в более пристойном виде. Девушки нашего Дома не носят *это*.

— Что не так? — возмутилась Гвинет, но Сесили уже выдернула её за дверь, захлопнувшуюся с негромким стуком. — Сам у Диора одевайся, если деньги позволяют... Да не тащи ты меня!

Гвинет давно так никто не оскорблял. Отец зарабатывал немного, им только хватало на жизнь, и от того девочке давно пришлось проститься с мечтой о дорогой одежде. Но почти все в школе одевались одинаково, и Гвинет постепенно смирилась. Вот станет она зарабатывать и будет покупать классную, дорогую одежду. Но унижать её лишь потому, что у неё не хватает денег на дизайнеров? Плевать, дядя ей этот высокомерный тип или нет, она его слушать не будет! Нарочно достанет к ужину мини-платье, купленное специально, чтобы позлить ханжу Кэтрин. Заодно и платице выгуляет.

Они шли и шли, и злость, кипевшая в Гвинет, постепенно стала угасать, сменяясь любопытством. Дом определённо стоило изучить поближе. Главное, чтобы при этом поблизости не мешалась семейка.

Двое дядюшек и две тётки. Даже не считая умершую маму, немаленькая у них семья! А если ещё есть всякие там кузены... Только вот что-то не хочется ни с кем знакомиться. И обе тётки, и второй дядюшка произвели на девочку не лучшее впечатление. Первый-то дядя вроде ничего, добродушный, и рад её видеть... Интересно, кто из них Мэрик? Хорошо бы тот, сверкающий. Второй ей совсем не понравился.

«Может, папа был прав, когда не хотел меня отпускать? — мелькнула непрощенная мысль. — Он-то, наверное, знает их лучше...»

Но тут же эта мысль оказалась изгнана. Гвинет не желала признавать правоту отца. Ни в каких ситуациях. Ей здесь интересно, и она здесь останется, хоть на месяц, хоть навсегда!

— Ваши комнаты, — Сесили с поклоном толкнула дверь, на которой красовался вырезанный и раскрашенный цветок пиона. — Раньше они принадлежали госпоже Гермионе. Чувствуйте себя как дома. Ужин в восемь. Я приду за вами. Если понадобится, позвоните в колокольчик. Одежда в шкафах.

С этими словами Сесили исчезла в тенях, заполнявших коридор.

С трудом сдержав испуганный оклик — ей совсем не хотелось оставаться одной, даже в маминых покоях! — Гвинет шагнула в просторную сине-зелёную комнату.

Это оказалась гостиная. Справа находились спальня и ванная комната, слева — гардеробная и что-то вроде совмещённой учебно-игровой комнаты. В каждом помещении висели часы. Сейчас стрелки показывали четверть восьмого.

Гвинет растерянно взяла в руки одну из многочисленных фарфоровых кукол. Кого здесь не было, так это Барби — только тряпичные и фарфоровые куклы. Интересно, какая из них любимица мамы?

Поставив куклу на место, девочка прошла в ванную — отчего-то сильно хотелось вымыть руки. А когда она вышла, около двери в коридор стоял её чемодан, которому она обрадовалась, как родному. Сейчас он казался ей единственной связью с домом.

Гвинет принялась доставать и раскладывать вещи, изо всех сил обживая холодящую нервы комнату. Девочку прервал стук в дверь.

— Да! — недовольно крикнула Гвинет: ей не хотелось никого видеть.

— Вас ожидают на ужин. Вы ещё не переоделись? — в голосе Сесили прозвучал настоящий ужас.

— Зачем? Нормальная одежда, — пожала плечами Гвинет.

— Госпожа, в доме все обязаны подчиняться господину Мэрику. А он не приемлет... подобной вольности в одеж-

де. Юная дама не должна носить мужскую и столь открытую одежду.

Сама Сесили одевалась в длинное, наглухо закрытое, серое платье с белым фартуком.

— Вот пусть и не носит. А я сама решаю, как мне одеваться, — дерзко сказала девочка.

— Вас накажут, — мягко предупредила горничная.

— Лишат сладкого?

— Запрут в подвале. Там много... холодных неуютных мест, особенно ночью. Если позволите совет, юная госпожа, хотя бы первое впечатление стоит произвести достойно.

Гвинет хотела огрызнуться, но здравый смысл взял верх. Не стоит с первого же дня восстанавливать и дядю Мэрика — наверное, всё же, это тот бука, — и суровых тётушек против себя. Да и реакция второго дядюшки тоже пока неизвестна. Обрадоваться-то он ей обрадовался, но кто его знает. Зачем дразнить гусей? Стоит проявить немного практичности и притвориться паинькой. Благо, пример Кэтрин не забывается.

— Хорошо, — сдалась она. — Помоги, что тут выбрать? У меня же нет своей одежды положенного фасона!

Обрядив Гвинет в строгое голубое платье невесть какой моды, Сесили помчалась почти бегом. Опозданий строгий дядюшка Мэрик тоже не любил.

«Интересно, любит ли он хоть что-нибудь», — сердито пыхтела, мчась за Сесили, Гвинет. Узкое платье и туфельки на каблук страшно мешали. — «Ну просто, ради разнообразия»?

Перед очередной двустворчатой дверью, на этот раз доходившей почти до потолка, Сесили резко остановилась. Оглядела Гвинет, поправила её растрепавшиеся от бега волосы, забавно сморщила нос, выдохнула и распахнула одну створку.

— Прошу.

Гвинет с невольной, несвойственной ей, робостью прошла в огромный зал, где за столом сидела куча народу. Сесили незаметно проскользнула вперёд — и как ей только удаётся так непримечательно двигаться? — и встала у края стола, пододвинув один из стульев. Видимо, он предназначался Гвинет.

Ужин проходил в тишине. Незнакомые девочке люди беседовали между собой так тихо, что гула почти не было слышно. Гвинет смогла опознать только дядю Мэрика, восседавшего во главе стола, Свентона в его блёстках, приветливо помахавшего ей рукой, и обеих тёток — Гвендолен и Гиацинту. Но кроме них за столом сидели ещё несколько человек разного возраста. Гвинет старательно посчитала их, пытаясь не подавать виду. Затем попробовала ещё раз, надеясь, что ошиблась. Но число оставалось прежним. За столом, помимо неё сидело двенадцать человек. Она — тринадцатая!

Вспомнились двери в парадном холле — их тоже тринадцать. Похоже, в этом доме испытывают странную привязанность к этому неприятному числу.

Гвинет постаралась успокоиться. Поверье о тринадцати за столом — всего лишь поверье. Лучше рассмотреть всех поближе, пока есть возможность.

По правую руку от дяди Мэрика сидела высокая старуха в ярко-красной кофте. В белых от краски, не от времени, волосах сверкали огоньки — наверное, Сваровски, решила Гвинет. Не могут же это быть настоящие бриллианты! Слева от дяди сидел юноша лет восемнадцати, полный и черноволосый. На круглом лице застыло хмурое недовольное выражение. Справа от юноши сидели Гвендолен и Гиацинта, обе переодевшиеся в светло-розовое, напротив них — Свентон и симпатичная молодая дама в зелёном платье, с пышными светлыми кудрями. Она даже бросила пару раз одобряющий взгляд на Гвинет, видимо, пытаясь поддержать девочку. Также

напротив Гвинет, с правой от дяди стороны стола, находились два мальчика: ровесник Гвинет, очень похожий на Свентона, только без лысины и усов, и рыжеватый худенький малыш лет пяти. Между мальчиками рассматривала Гвинет удивительно красивая девушка, похожая чем-то на Мэрилин Монро, с крупной родинкой над губой и длинной золотистой косой. Напротив них располагались толстушка лет девяти-десяти и сосед Гвинет — светловолосый парень лет шестнадцати.

Гвинет попыталась начать разговор с соседом, спросив его имя, но он только глянул на неё исподлобья. А затем фыркнул, подняв дыханием длинную чёлку, почти закрывающую глаза, и уткнулся в тарелку. А малыш напротив как-то не располагал к беседе, да и не хотелось кричать через широкий стол.

Наконец тягостный ужин в новой семье закончился. Встав из-за стола, Гвинет устремилась было к выходу, но её остановил резкий окрик дяди Мэрика:

— Гвинет Вальденс!

— Да, дядя? — Гвинет кипела от злости. Что ему от неё нужно? Так, притворяемся Кэтрин. Очень хорошо притворяемся Кэтрин: глазки опущены, руки скромно сложены...

— Я полагаю, тебя стоит представить Семье, — последнее слово прозвучало так, словно его произнесли с большой буквы. — Можешь пройти с нами в гостиную.

— Спасибо, — чего стоило Гвинет произнести это слово! Тоже ей, одолжение сделали!

Следом за всеми девочка прошла в соседнюю комнату. Зелёные обои казались бархатными в свете заходящего солнца, и от этого комната выглядела тёплой и уютной. Повсюду глубокие серые кресла, на диване небрежно брошены пледы для холодной погоды... Гвинет захотелось здесь поселиться.

Это чувство не продлилось долго. Все семейство расположилось в креслах и принялось изучать оставшуюся

стоять — для неё места не хватило — Гвинет, словно диковинную зверушку.

— Итак, — нарушил затянувшееся молчание дядя Мэрик, — дамы и господа, перед нами дитя нашей блудной дочери, Гермионы. Гвинет Вальденс. Гвинет. Я рад, что благоразумие возобладало, и ты решила вернуться в Семью. А теперь...

— Я так рада, так рада! — защебетала моложавая дама в зелёном, поправляя кудряшки. — Теперь Габриэле будет с кем играть...

— Мама! — перебила её, схватившись за голову, маленькая толстушка. — Она же старая. Не будет она со мной играть.

Так, толстенюкую малышку зовут Габриэлой.

— Ах, милая, — снова защебетала дама, — я уверена, у Гвинет не столь чёрствое сердце, как у Генриетты. Верно, милочка?

Поскольку Гвинет не поняла — обращаются к ней или к Генриетте (методом исключения это оказалась красивая ровесница Гвинет, похожая на Монро), то решила промолчать. Генриетта тоже не сказала ни слова. Но даме это не мешало, она продолжила щебетать, как прекрасно будет, когда все три девочки станут подругами.

Неизвестно, сколько бы длился монолог дамы в зелёном, если бы не тётя Гвендолен. Она стукнула по полу зонтом-тростью — зачем он ей в помещении, удивилась Гвинет, — и воцарилась тишина.

— Помолчи, Анна, — сказала тетя Гвендолен. — Твоя болтовня утомляет. Гвинет, познакомься со своей бабушкой, Грейс.

Чопорная старуха в красной кофте и чёрной цыганской юбке, густо намазанная косметикой, грозно взглянула на Гвинет. Та невольно поёжилась.

— Это, — продолжила тётя Гвендолен, указывая на болтушку, — Анна, жена твоего двоюродного дяди Свентона.

— Это я! — помахал из кресла Свентон, улыбаясь так, что свет отразился от его золотого зуба.

— Габриэла — их дочь, — на слова тёти Гвендолен малышка скривилась и показала Гвинет язык. — Я все вижу, Габриэла. Джейсон — их сын.

Джейсоном оказался сидевший рядом с Гиацинтой паренёк, так похожий на отца — Свентона. Как и отец, он приветливо помахал Гвинет рукой.

— Мой сын Саймон, — на этот раз заговорил дядя Мэрик. В его голосе прозвучала гордость, когда он указывал на юношу восемнадцати лет. — Моя гордость и наследник нашего рода.

— Очень приятно, — соврала Гвинет. Ей уже хотелось домой.

— К сожалению, твоя двоюродная тётя Грета покинула нас прошлой весной, — поджав губы, скорбно произнесла тётя Гвендолен. — Её дети остались на наше попечение. Генриетта, — красавица кивнула, — Вильям, — сосед Гвинет по столу отвернулся, — и Леон.

Леон, малыш, сидевший за ужином напротив Гвинет, широко улыбнулся кузине.

— Очень приятно, — снова соврала Гвинет.

— Итак, — дядя Мэрик встал и, сцепив руки на животе, принялся ходить взад-вперёд, — ты вернулась. Но из-за непростительного неблагоразумия твоего отца ты оказалась многого лишена. Например, воспитания и знаний. Если первое вещь наживная, то второе, — тут он неодобрительно покачал головой.

Гвинет была уверена: знания вещь тоже наживная, — но решила промолчать. Кажется, изображать паиньку Кэтрин входит в её привычку...

Или Кэт тоже притворяется? — внезапно осенило её. Что, если сестра — вовсе не такая белая и пушистая, как пытается казаться? Хм...

Эту мысль стоило обдумать. И за размышлениями Гвинет как-то потеряла мысль дяди. Она только кивала по-

слушно на его речь и речь тётки Гвендолен, но ничего не слышала.

Наконец речи закончились. К этому моменту в гостиную принесли ещё одно кресло, и Гвинет смогла наконец сесть. А затем произошло нечто ужасное. Её принялись учить вышиванию!

Гвинет терпеть не могла мелкую кропотливую работу. Разве что пазлы собирала. А тут все женщины, кроме тётушек Гвендолен и Гиацинты (одна уткнулась в молитвенник, а вторая — в бухгалтерскую книгу) принялись за вышивку. И принялись обучать этому делу и Гвинет.

Только малыш Леон играл в уголке с машинками. Остальные лица мужского пола принялись играть в шахматы, шашки и нарды.

«Скукотень! — подумала Гвинет. — Интересно, они знают о существовании телевизора?»

В кровать девочка приплелась совсем измотанная. Болели исколотые пальцы, гудела от непривычной мелкой работы голова. Рухнув в кровать, Гвинет собиралась уснуть без задних ног, но стоило ей переодеться в пижаму и залезть под одеяло, как в комнате что-то засветилось. Источником света оказалась смутная, практически прозрачная, человеческая фигура.

Гвинет взвизгнула. Но тут же сообразила: шуточка кого-то из кузенов. Или Генриетты, красotka ей сразу не понравилась.

— Убирайся! — гневно прокричала она. — Вон из моей комнаты!

— До чего дошла современная молодёжь! — фигура подплыла ближе, и Гвинет с лёгкой паникой поняла — кажется, перед нею действительно привидение. Настоящее!

— Заканчивайте ваш розыгрыш, — почти пролепетала она. — Я все равно не боюсь.

— Не боишься? Это похвальное качество. Хотя сложно представить без него дитя Гермiony.

— Вы знали маму? — Гвинет невольно приподнялась в кровати. — Да вы вообще кто?

— Альберт Вальденс, — с поклоном представилось привидение. — Твой... секунду... двоюродный дедушка. Или троюродный? Ох уж эти родственные связи...

— Здравствуйте, дедушка. Вы супруг бабушки Грейс?

— Упаси Боже! — привидение отшатнулось. — Я её брат. И, признаюсь, этого оказалось достаточно, чтобы она изрядно попилила мне нервы. А уж Мартина, своего муженька, она быстро свела в могилу... Но об этом стоит поговорить позже. Гвинет, я очень любил твою мать. Она была единственным нормальным человеком в нашей семье — не считая, конечно, моей усопшей супруги. Гвинет, ты — единственная наследница магической силы Грейс. От сестрицы магию унаследовала только Гермиона, у племяшек нет детей, а сын Мэрика — это сын Мэрика, там своя магия. Гвинет, запомни: тебе нельзя её отдавать, свою силу. Они будут обманывать, уещивать, заманивать... Помни: сила — это часть тебя. Отдашь её, потеряешь часть души. Никому не верь в этом доме, Гвинет. Никому. Даже мне. Они будут твердить: «ради семьи». Запомни: Вальденсы никогда не были семьёй. Будут шанс — беги отсюда, Гвинет. Твои родители столько лет прятали тебя... Не разрушай их усилия. Беги, Гвинет. Как только сможешь — беги.

Под эту речь Гвинет провалилась в сон. Привидение привидением, но день выдался насыщенным, и потом, оно ей снится. Он просто рано уснула. И ей все приснилось.

С мыслью о странном сне она и проснулась. В дверь уже стучали, этот звук послужил будильником. Впустив Сесили, Гвинет стала собираться к завтраку. Первому завтраку в новой семье.

В утреннем свете люди, собравшиеся за столом, казались ненастоящими. Словно за столом собрались механические куклы, почти совершенные, очень похожие на

живых, но все же оставшиеся мёртвыми механизмами. Гвинет едва не запела от радости, когда тягостный завтрак закончился и ей велели пройти в свою комнату — позаниматься. Учебники должны были ждать её на столе в отведённой для занятий комнате.

Сесили провела Гвинет в её покои, указала на стол, заваленный книгами, и исчезла быстрее, чем девочка успела сказать хотя бы слово.

Посмотрев на учебники — десять толстых книг и несколько не менее толстых тетрадей, — Гвинет стала недоумевать. Какие занятия летом, когда даже в самых суровых школах каникулы? Не будет она заниматься в такой чудесный день, а пойдёт погуляет. Или хотя бы изучит дом. Да, пожалуй, именно этим и стоит заняться в первую очередь, иначе все отведённое время ей придётся провести в своих комнатах, ведь проводник в лице Сесили не будет помогать ей все время.

С этой мыслью Гвинет отправилась в странствие по дому. Её целью стало отыскать столовую, гостиную и выход из дома. Сидеть взаперти она не желала.

Но дом упорно отказывался ей подчиняться. Даже если Гвинет поворачивала обратно, коридоры, комнаты и залы оказывались совсем иными, не такими, как те, которые девочка проходила прежде. Где-то спустя час Гвинет оказалась вынуждена признать: она заблудилась. Заблудилась в самом обыкновенном доме!

Пришлось идти наугад, надеясь найти хоть кого-нибудь. Двенадцать человек семьи, неизвестно сколько слуг — где-то же должны они все находиться. Столько народу не может потеряться даже в таком огромном доме.

В глубине души Гвинет была счастлива. Она всегда мечтала о чем-то подобном. Тайны, приключения, возможно даже магия, — все это манило Гвинет. И теперь она словно сама стала героиней восхитительной, пусть пока и скучноватой истории.

Открыв очередную дверь, ведущую в очередной же коридор, Гвинет услышала шум. Что-то жужжало и потрескивало, и девочка не смогла пройти мимо.

В этом коридоре оказалась только одна дверь, и Гвинет, открыв её, очутилась в мастерской. Часовой мастерской, в центре которой, почти под потолком, восседал в кресле сверкающий в свете ламп дядя Свентон.

Сколько здесь было часов! Гвинет, пожалуй, не смогла бы их сосчитать и за неделю. Словно заворожённая, девочка шагнула в комнату, разглядывая часы за часами.

Внезапно они начали бить. Не все, только одни, высокие напольные, украшенные золотистыми фигурками дам и кавалеров, спрятанных за стеклом. Но гулкий звон заставил Гвинет отшатнуться, а дядю Свентона — обнаружить присутствие племянницы.

— А, племяшка! — прокричал он, и цепи, удерживавшие кресло под потолком, стали с лёгким звоном разматываться, опуская его на пол. — Добро пожаловать, добро пожаловать. Ты любишь часы, Гвинет?

— Не знаю, — растерялась девочка. — Но ваши часы красивые. Вы их коллекционируете?

— Ничего подобного! Я их создаю. Ну и чиню, периодически. Вот эти, например, спешат на четыре минуты шестнадцать секунд! — он ткнул пальцем в пробившие часы. — И их надо починить. Хочешь посмотреть, да, Гвинет?

Гвинет не хотела. Она предпочла бы рассмотреть все часы — многие из них выглядели очень необычно, — но решила не обижать дядю.

— Да, я с удовольствием...

— Отлично, — перебил, не дослушав её, дядя Свентон. В руках его возникли непонятные инструменты: Гвинет могла поклясться, что они возникли из воздуха! — и дядюшка взмахом руки располовинил часы. Девочка испуганно ахнула, но часовщик уже возился с механизмом.

Шестерёнки, винтики, снова шестерёнки, снова винтики... У Гвинет все плыло перед глазами, когда дядя, наконец, закончил работу.

— Так-так-так, — он обошёл вокруг часов. — Стоит их проверить, да, Гвинет? Вдруг они не работают? Или работают неправильно?

Он повернул какой-то рычажок... и все вокруг переменялось.

Гвинет стояла на паркетном полу, а вокруг простирались зеркала. Они находились повсюду: сверху, справа, слева, впереди, сзади... И не было ни малейшего признака хоть каких-нибудь часов.

— Дядя Свентон? Дядя Свентон! — в её голосе против воли позвучала паника. Дядя, конечно, выглядел любителем повеселиться, но вряд ли он способен на такой впечатляющий розыгрыш. Значит, произошло что-то непредвиденное. И, возможно, опасное.

Дядя не отозвался. Гвинет находилась в зеркальном зале одна.

Девочка решила не сдаваться. Розыгрыш это или нет, она не будет стоять здесь и ждать, пока с ней что-то случится. Она найдёт выход, чего бы это ей не стоило!

И Гвинет решительно зашагала вперёд, туда, куда глядели глаза.

Она шла, шла и шла, а зал все не кончался. Казалось, он вмещает в себя некую бесконечность. Прошёл, наверное, час — впрочем, часы с руки Гвинет исчезли, хотя она и не заметила, когда это произошло, и приходилось полагаться на внутренние биоритмы, а ничего не менялось. Разноцветные плитки паркета под ногами и зеркала, в которых отражались тысячи Гвинет.

Может быть, стоило пойти в другую сторону. Но, минутку, только сейчас сообразила девочка, она никак не дойдёт до зеркальных стен! Куда бы она ни шла, она должна, обязана была в какой-то момент дотронуться до

одного из зеркал, а там уже и дверь за одним из них нашлась бы. Она же словно стояла все это время на одном месте.

— Дядя Свентон! — прокричала она. — Мне страшно! Заберите меня отсюда, пожалуйста!

Тишина.

— Дядя Свентон!!! — на этот раз Гвинет уже не старалась скрыть панику. Где она? Что происходит?

На миг ей в голову пришло решение: разбить зеркало. Но чем? У неё не имелось ничего тяжёлого!

Гвинет бросилась бежать. Только бы дотронуться до зеркал, она бы их разбила — руками, ногами, неважно чем! Только бы достичь этих проклятых, похожих на наваждение, зеркал!

Девочка поскользнулась на намазанном чем-то паркете и упала. По её щекам покатались слезы злости и отчаяния. Что такого плохого она сделала дяде Свентону, почему он запер её в этом странном месте и не приходит на помощь?

Паркет оказался не только скользким, но и занозистым. Пытаясь встать, Гвинет поранила руку длинной тонкой щепкой, всадившей ей в ладонь острую занозу. Пытаясь выковырять деревяшку, Гвинет расцарапала руку до крови.

Девочка приняласьлизывать ранку, но в какой-то момент капелька крови все же скользнула вниз и упала на паркет. Тот словно расплозся, и под ним проявились... шестерёнки? Да, Гвинет теперь могла опознать детали часового механизма чуть ли не с первого взгляда!

Она с силой дёрнула ранку. Кровь капнула на пол, и тот принялся расплозаться, обозначая все больше и больше механических деталей. Выдернув из пола злополучную щепку, Гвинет принялась с яростью расковыривать ранку так, чтобы кровь не останавливалась. Вот разноцветный паркет полностью сменился полом из шестерёнок

и винтиков. Кровь заливала их так, что они не могли двигаться. И тут оказалось, что пространство, в котором находится Гвинет, очень мало. Теперь, когда шестерёнки стояли, она едва могла раскрыть руки. Наконец-то она могла достать до зеркал!

Гвинет со всей силы ударила кулаком по стеклу. Зазвенев, оно разбилось, и девочка вывалилась наружу — в гигантскую комнату с огромными, больше неё в десятки раз, часами.

— Хм-хм, — проворчал чей-то голос, больше похожий на гром. — Часы разбились. Это нехорошо. Это очень нехорошо.

— Оставь свои часы в покое! — этот голос явно принадлежал женщине. — Лучше подскажи, что делать! Теперь, когда появилась дочка этой безумной Гермiony, наследство уйдёт из рук Габриэлы!

— Положим, Габи и раньше не могла рассчитывать на него, дорогая. У неё практически нет магии. Как и у Генриетты. Сильная магия была только у Гермiony и теперь, наверное, принадлежит племяшке. Хе-хех.

Огромный человек — дядя Свентон??? — шагнул к разбитым часам и принялся возиться с ними.

— Генриетта бездарность! — женщина в зелёном — наверное, тётя Анна, его жена, — нервно принялась ходить по комнате. Гвинет быстро юркнула под огромный стол. Насколько же теперь малы её, Гвинет, размеры? Что с ней произошло? — Свентон. Я не позволю Габриэле остаться ни с чем. Это она наследница Грейс!

— Но она внучка моего папули, а не бабули Грейс.

— Генриетта тоже! Грета была твоей сестрой, а не дочерью Грейс! Гвинет — единственная прямая наследница старухи. Черт, это надо как-то изменить! Свентон! Сделай что-нибудь!

— Уже сделал.

— Свентон?!

— Ты же знаешь, мне всегда нужны новые фигурки для моих часов.

Фигурки для часов? Гвинет стала всего лишь крохотной деталью? Но теперь-то она на свободе... ей нужно лишь вернуть собственные размеры. Только вот как это сделать???

Гвинет съёжилась у ножки стола.

— Фигурка в часах? Это достаточно надёжно?

— До сих пор никто не выбирался, милая. Она обречена вечно украшать... Что? Калейдоскоп разбит! Девчонки здесь нет!

— До сих пор никто не выбирался, да? — в голосе тёти Анны звучал неприкрытый яд. — До сих пор ты не запи-
рал Вальденсов!

— А куда, по-твоему, пропал кузен Эдмон?

— Ты справился с сильнейшим магом рода, но не смог одолеть девчонку?!

— Не кричи! Её необходимо найти. Срочно. Она не могла далеко уйти, не при её-то размерах.

Начались поиски. Гвинет поняла — долго ножка стола укрытием не прослужит. Необходимо найти более надёжное укрытие.

Взгляд её упал на стоящие неподалёку небольшие настольные часы, украшенные танцующими поодиночке дамами и кавалерами. Неожиданно пришло озарение.

Только вот как самой пробраться в эти часы? Она сможет затеряться среди фигурок, это точно, но как зате-
саться в их компанию?

Гвинет осторожно прокралась к часам, пользуясь тем, что её искали в другой части комнаты. Ударила окровавленным кулаком по стеклу.

По зеркалу пробежала трещинка, и Гвинет подхватил лёгкий вихрь. Мгновение — и она стоит в уже знакомом зеркальном пространстве, а напротив неё разглядывает нежданную гостью незнакомый юноша в старомодной одежде со шпагой на поясе.

— Как ты сюда попала? — ошеломлённо спросил он.

— Важнее, как мы отсюда выберемся, — сказала Гвинет. — Я пришла сюда сама, а не по воле дяди Свентона и намерена всех вас освободить.

— Но Свентон... Как он мог одолеть меня? Я же сильнее! Ты не ошиблась? Хотя, что за глупые вопросы. Тебе нет необходимости мне лгать. Прости, за годы заточения я привык говорить сам с собой.

— А ты, собственно, кто?

— Эдмон Вальденс к вашим услугам, — церемонно поклонился юноша. — Троюродный брат Свентона. Ваше имя?

— Гвинет. Гвинет Вальденс. Я его двоюродная племянница. Не совсем понимаю, чем я ему помешала, но оказалась заперта в часах. Я выбралась чудом!

— Можно ли узнать, что это было за чудо?

Гвинет рассказала и показала пораненную ладонь.

— Кровь семьи, — задумчиво сказал Эдмон. — Я идиот. То, чем накладываются чары, их и разбивает. Если, конечно, снимающий магию сильнее наложившего её, но Свентон никогда не был сильным магом. Как маг-часовщик он не превзойдён, но как просто маг... У нас действительно есть шанс выбраться самим и освободить остальных. Благодарю вас, Гвинет.

— Было бы за что, — отмахнулась польщённая девочка. — Вот выберемся...

Эдмон приложил руку к трещине в стекле.

— Они уходят, — сказал он. — Толстяк и женщина. Сколько же я здесь лет, что Свентон так изменился!

— Ну, ему около пятидесяти, — прикинула Гвинет.

— Мне было семнадцать, когда он заточил меня, Свентон старше на два года... Боже, почти тридцать лет!

— Не грусти, — неловко попыталась утешить его девочка, — зато теперь он толстый и старый, а ты — нет.

— Благодарю, — усмехнулся Эдмон. — О, дверь закрылась! Гвинет, это наш шанс!

И он выхватил шпагу, полоснув ею себя по ладони.

Скоро они уже стояли на полу, а вокруг них растерянно оглядывались два десятка маленьких человечков. Похоже, Эдмон действительно был очень силен — его кровь разрушила не только его каморку, но и весь механизм, освободив всех пленников.

Попросив Гвинет подождать пару минут, Эдмон собрал человечков вокруг себя и рассказал им все, что знал о чарах кузена. Быстро прекратил возмущённые крики и споры, и, воспользовавшись зеркалом, построил портал. Этот проход вёл в любое место по желанию. Невнятным заклинанием юноша вернул всем нормальные размеры и быстренько затолкал всех в портал, отправив по домам. Гвинет только растерянно хлопала глазами, наблюдая, как все улаживается, словно само собой.

— Ну ты даёшь, — с восхищением выдохнула она, когда последний человек скрылся и переход снова стал просто зеркалом.

Эдмон слабо улыбнулся.

— Только я почти полностью выдохся, Гвинет. Чтобы вернуть нам нормальный вид, мне понадобятся все оставшиеся силы. Я не уверен, что смогу сейчас сразиться с кузеном.

— Пойдём в мою комнату, — решила Гвинет. — Там я тебя спрячу. А ты отдохнёшь, и появишься перед семейкой, когда сочтёшь нужным.

— Семейка! — хмыкнул Эдмон. — Не слишком-то это слово нам подходит. Семья — это когда все за одного, а не каждый сам по себе. Идём, Гвинет. Только, секунду, я наложу на часы иллюзию целостности...

Часы приняли нормальный вид, и герои отправились искать комнату Гвинет.

Дом и раньше выглядел огромным, а теперь, когда Гвинет стала крошкой — хотя Эдмон на всякий случай немного увеличил их размеры, — стал поистине гигант-

ским. Девочке очень хотелось оказаться в собственной комнатке, которая теперь казалась воплощением дома и уюта. Но вместо этого они пришли в жёлто-бронзовую пыльную комнату.

— Это моя комната, — сказал Эдмон. — Не думаю, что тебе стоит сейчас встречаться со Свентоном. Мне нужно часа два отдыха, и я сделаю тебя нормальной. Ты же пока придумай, как будешь объяснять своё спасение.

— А может, ты придумаешь? — возмутилась таким перекладыванием работы Гвинет, но Эдмон, рухнувший на диван, уже спал. Девочка промыла под водой в ванной пораненную руку, перевязала ладонь носовым платком, села в кресло и принялась думать.

Как назло, в голову не приходило ничего толкового. Появиться в столовой и сделать вид, будто ничего не произошло? Вряд ли дядюшка настолько доверчив, скорее, он заподозрит каверзу с её стороны, и предпримет какую-нибудь гадость. Значит, этот вариант отпадает. А если придумать вот так... или вот так...

Скоро Гвинет, не отличавшейся особым терпением, надоело думать об одном и том же. Она встала и принялась осматривать комнаты Эдмона. Кем он там ей приходится? Троюродный дядюшка? А жаль — он симпатичный. Не красавец, конечно, но очень, очень обаятельный.

Комнат у Эдмона оказалось, как и у неё, четыре. Гостиная, в которой на диване сейчас и спал Эдмон, спальня, гардеробная, забитая пахнущей пылью и затхлостью одеждой, и библиотека. Гвинет не слишком любила читать, но сейчас делать было нечего, и взяв с полки первую попавшуюся книгу, девочка принялась пробираться сквозь вычурные обороты старинных фраз.

— Гвинет! Где вы? — услышала она в какой-то момент голос Эдмона и с радостью отложила скучную книгу — уже четвертую, но столь же занудную, как и предыдущие, брошенные на первых страницах.

— Я здесь! — крикнула она и вышла из библиотеки.

— Вы придумали подходящее объяснение вашему спасению, Гвинет?

— У меня не слишком хорошее воображение.

— Ладно. Дайте подумать...

Эдмон прикусил указательный палец. Пару минут он молчал, а Гвинет боялась сбить его с мысли.

— Скажем, что это мне удалось разбить наложенные чары, — сказал он наконец. — За столько лет я мог найти способ. А затем я почувствовал сходные свежие чары на ваших часах и смог освободить вас. Пусть гнев Свентона окажется направлен на меня, я знаю способ с ним справиться. Теперь я предупреждён, а значит, вооружён. В любом случае, семье лучше опасаться меня, чем вас — это уберёжет вас, Гвинет.

— Вряд ли, — вздохнула девочка. — Боюсь, загадочное наследство бабушки Грейс слишком ценно для них.

— В таком случае вам лучше остаться темной лошадкой, — Эдмон бросил взгляд на часы. — Если я правильно помню, сейчас близится время обеда. Позвольте проводить вас, Гвинет?

— Да, — отчаянно закивала головой девочка. — Сама я заблужусь в этом ужасном доме!

— Просто необходимо запомнить несколько правил. Я объясню их вам по дороге.

Эдмон церемонно предложил Гвинет руку. Помедлив, девочка приняла её, и тут юноша заметил повязку.

— Как я стал невнимателен! Снимите повязку, Гвинет, я залечу вашу рану.

— А ты можешь?

— После всего вы ещё сомневаетесь в силе моей магии?

— Да нет...

Гвинет осторожно протянула освобождённую от повязки руку. Эдмон накрыл её ладонью, сказал непонятную абракадабру, и девочка увидела целую и неповреждённую конечность.

— Потрясающе! — выпалила она. — А я тоже так смогу?

— Думаю, да, — кивнул Эдмон. — А теперь — идёмте!

По дороге он действительно объяснил ей несколько секретов дома, так что теперь Гвинет могла не опасаться снова очутиться в мастерской дядюшки Свентона. А скоро они оказались около столовой.

— Юная госпожа! — бросилась к Гвинет возникшая из ниоткуда Сесили, — где вы были? Я везде вас искала!

— Я гуляла, — сообщила Гвинет. — И я же пришла. Пойдёмте в столовую, Сесили.

Одобрительный взгляд Эдмона — кажется, надо продолжать разговаривать в столь же вычурном стиле. Ох, надолго ли её хватит с этой семейкой?

Успокаивающе похлопав её по руке, Эдмон подождал, пока Сесили откроет дверь, и шагнул вперёд, увлекая Гвинет за собой.

— Добрый день, дорогие мои, — провозгласил он. — Вы позволите мне и даме присоединиться к вам?

— Эдмон? — вскочила, едва не опрокинув тарелку, тётя Гиацинта. — Нет, ты его сын, да? Как поживает папа? От него так давно не было вестей...

— Гиацинта! Веди себя прилично! — стукнула по столу тётя Гвендолен. Гиацинта послушно замолкла.

— Не стоит так ревностно реагировать на самозванцев, — дядя Мэрик казался статуей. — Гвинет, кто позволил тебе приводить в дом незнакомцев?

Эдмон прошёл к столу, подвинул стул для Гвинет, предложил ей сесть и только затем сказал что-то непонятное, от чего вспыхнул золотистым светом.

— Эдмон, — побледнев, опустилась на стул тётя Гиацинта. — Но как?

— Вот это нужно спросить у милашки Свентона, — хмыкнул Эдмон, переставая светиться. — Мэрик, не сверли меня таким взглядом, я только что доказал —

я это я. Подделать ауру не способен никто. Кстати, Свентон, что тебе сделала эта милая девочка? Я понимаю, зачем ты запечатал в часы меня, но чем тебе помешала наша очаровательная племянница?

— Свентон? — спросил дядя Мэрик, и взгляды всех присутствующих кроме Анны обратились к резко побледневшему дядюшке. Анна же изучала стол, словно он вот-вот должен ответить на все вопросы мира.

— Гвинет, тебе лучше уйти и забрать с собой детей, — внезапно сказал дядя Мэрик. — Не спорь. Еду вам принесут в малую гостиную. Дети, быстро присоединились к Гвинет. Генриетта, Вильям, вас я тоже попрошу покинуть нас. Магические суды — не для детских глаз.

— Но... — попыталась возразить Гвинет.

— Не спорьте, — видимо, дядя подкрепил свои слова магией. Иначе Гвинет не могла объяснить, почему и она, и Генриетта, и Вильям, и Джейсон с Габриэлой и Леоном, тут же встали и ушли в уже знакомую Гвинет гостиную.

— Дядюшка Эдмон, — протянула Генриетта. — А он симпатичный. Спас тебя, да? Умеешь ты находить нужное время и место... кухня! — в последнем слове прозвучала откровенная злость.

— Завидуешь?

— Было бы чему! У нашей дуры ни лица, ни фигуры!

— Как ты точно себя описала!

— Себя? В зеркало посмотришь, если уже речь не понимаешь!

— Зачем? Это ты явно давно не гляделась.

— Тихо! — вспыхнул Вильям, вставая между девочками. — Вам разве неинтересно, что там происходит?

— Дядя Мэрик наверняка защиту поставил, — презрительно сказала Генриетта. — Ты даже этого понять не можешь, братик?

— Может, он забыл...

Но Генриетта оказалась права. На двери и стенах оказалась поставлена мощная защита — Гвинет видела её как тонкую зеленоватую плёнку. И подслушать или подглядеть что-либо не удалось. Пришлось приступить к обеду, магическим образом возникшему на столиках гостиной.

Прошёл где-то час, когда Гвинет заметила исчезновение плёнки — защиты. Она вскочила, желая сообщить об этом остальным, но в гостиную уже входила тётя Гвендолен.

— Ваш отец и дядя совершил преступление против Семьи, — холодно сказала она. — За это он выслан из дома. Анна, как его супруга и сообщница, понесёт такое же наказание. Джейсон, Габриэла. Опекунство над вами будет передано мне и Мэрику.

— Выслан из дома? — не поверила своим ушам Гвинет. — И это все? Он пытался убить меня и Эд... дядю Эдмона!

— Дура, — сообщила Генриетта мирозданию. Джейсон молчал, кусая губы. Габриэла зарыдала. Тётя Гвендолен вышла из комнаты.

— Почему сразу — «дура»? — обиделась Гвинет. — Я многого не знаю!

— Вот именно, — снизошёл до объяснений Вильям. — Только не «многого», а ничего. Ты ничего не знаешь. Наш дом... он не просто дом. И за его пределами нам жить нельзя. Если дядю не примет дальняя родня, ему придётся жить среди обычных людей. Он потеряет свою магию, а это — часть души и разума.

— В общем, он станет полоумным, — «пояснила» Генриетта.

— Но это... жестоко!

— Ты уж реши, жестоко мы поступаем или «это все»? — съязвила Генриетта.

— Я же не знала... Их надо переубедить...

— Бесплезно, — в комнату вошел Эдмон. — Решения магического суда не подлежат отмене, Гвинет. И он знал это, когда запечатывал меня и многих, очень многих людей, чем-то помешавших ему. Кстати, их нужно освободить. Мы с Мэриком сейчас займёмся этим.

— А что насчёт детей? — спросила Гвинет. — По мне, лучше им жить с родителями. Джейсон?

— Что? — хмуро спросил Джейсон.

— Ты бы предпочёл остаться здесь или уйти с родителями? — Гвинет была почти уверена в ответе. Хотя... сбежала же она из дома к тётушкам...

— Я люблю отца, — дерзко заявил мальчик. — А магии у меня все равно почти нет. Только вот Габриэла... У неё есть способности. Крохотные, но...

— Значит, я найду вашим родителям место у родни, — сказал Эдмон. — И обещаю, я сделаю все, чтобы вы жили с ними, а не с Мэриком и Гвендолен.

— Не получится, — горько сказал Джейсон. — Они отобрали Генриетту, Вильяма и Леона у Жана. Отберут и нас. Мы же — Семья!

— Жан — это?

— Их отец. Муж тёти Греты. После её смерти их троих, — Джейсон мотнул головой в сторону кузенов, — забрали в Семью. И Гвинет тоже у отца отобрали. Семья — выше всего!

— Не тогда, когда она превращается в чудовище, — ответил Эдмон. — Я что-нибудь придумаю, Джейсон. А вы хотите вернуться к отцу?

Этот вопрос был задан уже Генриетте, Вильяму и даже малышу Леону.

— Нет, — выпалила Генриетта.

— Да, — одновременно выкрикнул Вильям.

— Папа? — глаза Леона наполнились слезами. — Хочу к папе!

— А ты, Гвинет?

— Пока не знаю, — честно ответила она. — Здесь... интересно.

— И опасно.

— Дай мне время... дядюшка.

— Хорошо, — он кивнул и ушёл. Следом за ним разошлись и остальные. Леона забрала няня. А Гвинет ещё долго стояла у окна, глядя на залитый солнцем сад внизу.

— Сесили! — верная горничная уже ждала её у двери. — Я хочу в сад. Как мне туда попасть?

— Я провожу вас.

— Ты свободна. Просто объясни мне, как туда пройти, — Гвинет нуждалась в одиночестве.

Видимо, Сесили поняла это, потому что, быстро протараторив инструкции, немедленно исчезла. Гвинет не успела запомнить её слова, но решила справиться сама. Как там говорил Эдмон?

Осторожно применяя правила, рассказанные юным дядюшкой, — не воспринимался он ею как дядя, видимо из-за своей сохранившейся молодости, — Гвинет стала изучать дом и довольно скоро вышла в комнату с огромными стеклянными дверьми. Они выводили в сад.

Погуляв какое-то время и пригревшись на солнышке, Гвинет села на скамейку и закрыла глаза. Она сидела так довольно долго, пока её не накрыла тень.

Лениво приоткрыв один глаз, девочка опознала Эдмона и подвинулась немного, давая ему возможность сесть. Говорить ей не хотелось. Ему, похоже, тоже.

Шло время. Стояла прозрачная тишина, сотканная из тихих звуков сада. Ветер, перекликивание птиц, гудение шмелей...

Внезапно Эдмон нарушил эту сказочную тишину.

— Я и представить себе не мог, что моё возвращение вызовет столько неприязни. Я не прошу их радоваться, но и на столь откровенную ненависть тоже не рассчитывал! — в голосе его звучало отчаяние.

Но Гвинет не собиралась ему сочувствовать.

— Ты же знал, чем закончится суд! — обрушилась она на него. — Неужели никак нельзя было обойтись без него? Нашли бы какой-то способ наказать Свентона не столь болезненно.

— Такого способа нет, — резко отрубил Эдмон. — И ты не видела, как много людей освободили мы с Мэриком. Их около сотни. Сотня людей оказалась превращена в часовые фигурки лишь потому, что чем-то не угодила Свентону!

— Но все же, этот суд...

— Такова Семья, Гвинет. Здесь выживает сильнейший. Слабые — умирают. А я хочу жить. Это неправильно?

— Правильно, но так жестоко! Какая же вы после этого семья?

— Сильная и уважаемая, — горько хмыкнул Эдмон.

— Но ненастоящая, — с уверенностью сказала Гвинет. — Настоящая — где все друг за друга.

— Свентон, убирая тебя, всего лишь заботился о будущем дочери. Значит, его маленькая семья — настоящая? Ведь она оказалась важнее твоей жизни. Если же верить тебе, то ради семьи можно пойти и на преступление.

— Не думаю, — покачала головой Гвинет. — Семья — те, кого защищаешь, оставаясь ради них человеком, а не убийцей.

Это были не совсем её слова — так говорила Кэтрин. Кэт была любительницей подобных моральных кодексов, не считаясь с их невыполнимостью. Но сейчас почему-то Гвинет поддерживала и понимала сестру. Пусть и не родную, но такую... правильную.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил Эдмон.

— Пятнадцать... будет. Через полтора месяца. Это важно?

— Сколько лет ты здесь?

— Второй день, — невольно засмеялась Гвинет. — Тётки ругались, что меня хорошо спрятали, так что забрали меня лишь вчера. Послушай, Эдмон... Говорили, будто

живя среди людей, магию теряешь. Как же я смогла вчера ею воспользоваться?

— Поэтому я и спросил тебя о возрасте. Если бы тебя не нашли до того, как тебе исполнится пятнадцать, то твои способности как бы «уснули». И «проспали» бы до тех пор, пока кто-то из твоих потомков не оказался в одном из Домов.

— А снова «усыпить» их не получится? Я не уверена, что хочу здесь оставаться.

— Если ты в день рождения окажешься не у источника, то есть, вне дома, то получится.

— Значит, у меня есть время, — повеселела Гвинет.

— Время для чего?

— Понимаешь... Здесь интересно. Привидения водятся, дома странные... Эдмон, ты не понимаешь. Это же приключение! Маленькое, безопасное приключение!

— Ничего себе — «безопасное»!

— Но дядя Свентон больше не опасен.

— Не стоит недооценивать остальных.

— Эдмон, это называется «паранойя».

— Гвинет, это называется «осторожность».

— Эдмон, вот ты где, — на тропинке появилась тётя Гиацинта. — Я искала тебя. Хотела поговорить.

— К вашим услугам, кузина. Гвинет, я вас покину.

Эдмон встал и подошёл к тёте Гиацинте. Предложил ей руку, и они скрылись из виду за кустами. Гвинет ещё немного посидела на скамейке, но добродушное настроение ушло, и она тоже решила вернуться в дом. Интересно, что задумала тётя Гиацинта... Но подслушивать Гвинет не станет! Ни за что не станет. Хотя бы потому, что маг Эдмон может легко её обнаружить.

Как легко она поверила в магию! Впрочем, после сегодняшнего утра трудно в неё не поверить. Либо она признает существование магии, либо придётся решить: она сошла с ума.

Гвинет вошла в дом и побрела искать свою комнату. Или кого-нибудь, кто подскажет, где её комната. Думать совсем не хотелось.

Вечер прошёл напряжённо. До ужина Гвинет провалялась в своей комнате, глядя в потолок, за едой все молчали, лишь изредка обмениваясь необходимыми репликами-просьбами, а после все разошлись по комнатам. Гвинет хотела пристроиться к Эдмону, поговорить с ним, но он ушёл очень быстро. Пришлось вернуться в комнату.

Стало скучно. Ни телевизора, ни компьютера, ни даже захудалой книжки.

Книжка. Поискать, что ли, библиотеку. Заодно получше познакомиться с домом — Гвинет уже стала в нем ориентироваться, но пока ещё не чувствовала себя уверенно.

Надев джинсы и футболку — платье ей надоело, — Гвинет отправилась на поиски библиотеки.

Поиски увенчались успехом. А ещё, обложившись книгами, за одним из столов сидел Эдмон.

— Эдмон? — окликнула Гвинет.

— Гвинет, — отозвался он, оторвавшись от чтения и принявшись тереть глаза. — Как вы думаете, Свентон мог продавать или дарить часы с пленниками?

— Не думаю. Слишком опасно — вдруг людей чудом освободят?

— Вот и я так думаю. Свентон не настолько глуп. Скорее всего, мы освободили всех, кто пострадал от его рук.

— А кто-то сомневается?

— Гиацинта, — признался Эдмон. — Её муж исчез — говорят, бросил её, — десять лет назад, но, узнав о пленниках часов, она обрела надежду. Похоже, она все ещё любит его и мечтает простить.

— Тётя Гиацинта была замужем? — искренне поразилась Гвинет. — По-моему, она только придаток тёти Гвендолен, а не личность!